

решать иммигрантам. В целом дается оценка роли «заметных меньшинств» в этнонациональной структуре украинского общества.

Ключевые слова: этнонациональная структура общества, заметные меньшинства, миграция, миграционное пространство, социальная интеграция.

Dudar S. E «Visible minorities» in the ethno-national structure of Ukrainian society.

The article deals with the problems of immigration in the Ukrainian social and ethno-cultural space. Determined by the concept of «visible minorities». The reasons of migration in Ukraine. Highlighted trends in immigration to Ukraine «visible minorities». Explains the problem of illegal migration «visible minorities» in Ukraine. Served level migration growth in Ukraine. Distinguished group of problems that must be solved immigrants. In general, an assessment of the role of «visible minorities» in the ethno-national structure of Ukrainian society.

Keywords: ethno-national society structure, visible minorities, migration, migration space, social integration.

Кононова Я. В.

МОТИВ РАДИКАЛИЗМА В ДИСКУРСЕ ТЕОРЕТИКОВ АКТОРНО-СЕТОВОГО ПОДХОДА: КРИТИКА И АПОЛОГИЯ

В статье рассматриваются теоретические аспекты мотива радикализации дискурса теоретиков акторно-сетевого подхода в рамках творчества ведущего методолога Бруно Латура.

Ключевые слова: актор-сеть, конструктивизм, объект, материальность, вещь, политическое, наука, общество, природа, постмодернизм, деконструктивизм.

Актуальность поднятой темы состоит в освещении ряда вопросов, возникающих в новых подходах в гуманитаристике и социальных науках, и той критикой, которую они встречают. Некоторые исследователи заявляют о необходимости создания нового языка самой науки, преодолевающего каноны отдельных дисциплин. Этот путь намечен в работах Пикеринга: «Я предполагаю, что научная практика обладает свойственными ей единством и целостностью, выходящими далеко за современные границы дисциплин. Хотя бы поэтому развитие концептов и категорий в рамках отдельных

дисциплин является предпосылкой к серьезному непониманию того, что является сущностью науки» [1, 710].

Другие исследователи, напротив, считают, что проблема заключается в том, что нынешняя динамика научных обменов в данной области произвела такую какофонию – как на уровне дискурса, так и на уровне идей – что становится сложно уловить, понять и оценить многочисленные точки зрения, выраженные представителями различных школ. В то же время наблюдается радикализация дискурса, претендующая на получение некоторыми исследовательскими проектами парадигмального статуса. К таким проектам относится французская акторно-сетевая теория (Actor-Network Theory, ANT) социального теоретика Б. Латура и его коллег. Коллинз и Йеарли, критикуя Латура и Каллона, подчеркивают проблему интерпретации. Они доходят до признания того, что «многие годы [им] было трудно принимать всерьез наиболее причудливые утверждения последователей the Actant Network School, но, боясь показаться глупыми, [они] хранили молчание» [2, 369-389]. Ниже раскроем некоторые методологические новации, рассмотренные в связи с критикой радикализма заявлений Б. Латура и его коллег Ив. Жангрой и их апологией на материале высказываний самих теоретиков ANT. Критика Ив Жангры интересна тем, что ведется по линии оспаривания самого радикализма.

Исследованием творчества теоретиков акторно-сетевого подхода, в частности версии конструктивизма и вещиности занимались: Столярова О., Неретина С., Вахштайн В., Хархордин О., Кузнецов А., Харман Г. и другие. Имена отечественных исследователей автору не известны.

Объектом исследования статьи является интеллектуальное творчество Бруно Латура: публикации, изданные в разные годы, а также творчество его оппонентов.

Предметом рассмотрения являются принципиальные аспекты мотива радикализации дискурса теоретиков акторно-сетевого подхода, рассмотренные на примере творчества методологов Бруно Латура и Джона Ло.

Критика основных методологических установок. И. Жангра, начиная свое исследование влиятельных тенденций в социальной мысли, видит особенность современного дискурса в циркуляции множества непроявленных понятий и принципов, ставших обязательными концептами для понимания научных практик. К таким понятиям он относит, например: «бесшовный веб» (seamless web), «гетерогенную инженерию» (heterogeneous engineering), «актор-сеть»

(actor-network) или «черный ящик» (black box) [3, 76]. Что касается принципов, то в качестве одного из самых спорных упоминается «принцип симметрии», выдвинутый Д. Блуrom в его сильной программе социологии науки [4].

Ядро строгой программы составляют два принципа. Из принципа непредвзятости по отношению к истине или лжи, успеху или провалу научных конструкций следует безоценочность методологической позиции в отношении всех сторон при анализе научного спора. Связанный с предыдущим, принцип симметрии призван уравнивать так же и типы причин, объясняющих верования «подлинные» и верования «мнимые». Обладая несомненной эвристической силой, как отмечают комментаторы, перспектива, намеченная Д. Блуrom, находит свое продолжение, возникающее без обоснования, в виде «генерализованного принципа симметрии» между живым – неживым, природой – обществом, социальным – техническим [3, 76].

Полемика вокруг генерализованного принципа симметрии строится оппонентами использованием двух основных линий критической аргументации. Во-первых, говорится о несоответствии содержания принципа заявленной радикальности и инновационности, поскольку речь идет о простом возвращении к реалистической точке зрения. Во-вторых, говорится о непоследовательности его проведения. В частности, содержание высказываний Латура и его коллег изобилует использованием тех различий, значимость которых они отрицают при использовании принципа симметрии, уравнивающего объекты и факторы, конституирующие динамику различных деятельностей. В первом смысле, в обращении к физической реальности как источнику объяснительных факторов того же порядка, что и социальные факторы И. Жангра видит «старую добрую реалистическую традицию, которая никогда не воздерживалась от соединения социальных и технических факторов для объяснения той или иной ситуации» [3, 80]. С этой точки зрения, утверждение о том, что некоторые категории «полностью ускользают от описания в терминах социологии или экономики», вследствие чего «необходимо отказаться от установленного социологического анализа, который пытается идти простым путем сведения всех отношений к ограниченному набору социологических категорий» [5, 95], – является только плохо скрываемым реалистическим подходом. Брать в расчет форму парусов, направление ветров и течений или природу батарей и мотора всегда являлось частью метода, которому следовали традиционные историки науки и технологии, чтобы объяснить научные, технические и социальные

изменения [3, 81]. В отказе от релятивизма оппоненты Латура видят вынужденный возврат к реализму.

Выступая против социального редукционизма сторонники акторно-сетевого подхода вновь обращаются к реалистической точке зрения. Во втором смысле, утверждение о неадекватности проведения различий факторов, конституирующих динамику различных деятельностей – технологических и социальных, экономических и политических процессов, также функционирует подобно «заклинанию». У Латура читаем: «Любая попытка отделить социальное от несоциального не только нарушает методический принцип изучения технологических процессов, но и просто невозможна, поскольку социальное насквозь пронизывает техническое и, таким образом, не может быть от него отделено» [6, 285]. Наиболее подробно это утверждение разработано в рамках подходов гетерогенной инженерии (*heterogeneous engineering*) и акторов-сетей [7]. Согласно Каллону и Латуру, мы не только не можем различать социальное и техническое, но даже различия между живыми и неживыми объектами должны быть поставлены под сомнение. «Те, кто хочет провести идею о том, что социальное, техническое, одушевленное и неодушевленное не могут различаться а priori, поскольку образуют «органическое целое», употребляют термин «гетерогенной инженерии», который предполагает как раз обратное <... > Так как выражение «гетерогенная инженерия» может означать только то, что все вовлеченные факторы изначально отличны друг от друга и что они затем объединены в одно целое, которое тогда и только тогда может стать «цельной сетью»» [3, 77]. У Д. Ло, читаем: «Я убежден в том, что устойчивость и форма артефактов должны рассматриваться как функция взаимодействия разнородных элементов, приспособленных и усвоенных единой сетью». Обращаясь к текстам Латура и его коллег, И. Жангра постулирует, что, несмотря на заявленный радикальный характер, представленные тексты остаются традиционными.

Авторы вынуждены прибегать к проведению классических различий между категориями объектов и акторов, однако отрицают это. Установленные a priori различия между социальным и техническим противоречат, таким образом, методологической позиции, претендующей на то, что выбранный подход таких различий не делает. Под прицелом критики оказался также ряд заявлений Латура и его коллег о том, что инженеры – лучшие социологи, чем сами социологи: «ученые-естественники и инженеры являются социальными философами и теоретиками, гораздо более творческими,

оригинальними і прогресивними, чем большинство их коллег из социальных наук» [9, 351]. Тезис о том, что практика инженеров эксплицитно развивает социологические теории, представляет, по утверждению оппонентов, еще один типичный пример стратегии инверсии, которая, подобно стратегии, вынуждающей прибегать к классическому реалистическому анализу технологий, фиксирует лишь то, что вновь становится актуальной точка зрения самих инженеров [3, 87].

Критику методологии теоретиков актор-сетевого подхода можно резюмировать следующими аргументами: 1) Существует непроясненность уровней снимаемых различий: авторы не уточняют, проистекает ли невозможность разделить факторы от того, что они связаны или слиты воедино в действительности (на онтологическом уровне), либо от того, что их аналитическое разделение не является целесообразным для понимания этой действительности (на эпистемологическом уровне). Последнее предполагает различие тех факторов, которые не всегда делимы в действительности, в таком случае, утверждение о том, что этих различий нет на самом деле, не содержит ничего радикального; 2) Совмещение позиций исследователя и инженера редуцирует возможности исследовательских стратегий; 3) В рамках гетерогенной инженерии остается непроясненной одновременная артикуляция на симметричности и разнородности элементов, вступающих в ассоциацию. Кроме того, неразличение факторов, конституирующих динамику различных деятельностей, препятствует последовательному проведению аналитики.

Функционирование принципа симметрии в дискурсе теоретиков актор-сетевого подхода. В отношении первого критического аргумента о непроясненности уровней различий отметим, что в современных подходах онтологический и эпистемологический интересы определяют не уровни, но фокусы исследовательских программ. Различие этих фокусов, маркируемых понятиями «природа» и «культура», является только способом ориентации знания. Натурализация этого различия становилась ядром целого ряда метафизических программ, которые либо настаивали на том, что теория должна быть сведена к гносеологической проблематике, либо связывали ее с построением онтологий.

Научные войны 80-ых годов прошлого века явились выражением такой натурализации как оппозиции «двух теоретических полюсов новоевропейской мысли» [10] – позитивистского и конструктивистского, представленного целым веером неклассических подходов. Последние проблематизировали субъект модернистских мыслительных установок

и практик, идеологию экстенсивного пути. Тематизация человека познающего (*homo cognoscens*) [11, 17] и коммуникативного пространства культуры имела эмансипирующий характер и была направлена на преобразование сциентистски ориентированной теории познания в социально-гуманитарное синтетическое видение и развитие дескриптивных методов. Вследствии постмодернистской критики знания гуманистическая картина реальности, должная заменить представления о структурно-функциональной или экономически-детерминированной деятельности людей, наследует характер той самой универсалистской догмы, на которую была направлен ее критический пафос. Социальная интерпретация стала тяготеть к догматическому универсализму, гипостазированию своего способ анализа на все явления жизни.

Новая возникающая парадигма критикует характерный для постмодернизма культуроцентризм и социальный детерминизм. Ее можно резюмировать попытками освоения иного мыслительного фокуса: природно-искусственного. Так Б. Латур видит свою задачу в том, чтобы, реконструировав коллективные практики «нововременных» (термин, отсылающий к западной цивилизации модерна), обнаружить погрешности в их представлениях о самих себе, ставшие причиной кризисных явлений. Конечная цель – предложить то, что не смогла предложить постмодернистская критическая мысль – возможные «альтернативные сценарии модернизации» [12]. Для такой реконструкции необходимо было обратиться к институтам науки и сопутствующей ей инженерной деятельности. Именно в деятельности ученых и инженеров, а также различных форм ее институционализации, не действуют классические различия «природы» и «политики», составляющие «нововременную конституцию» (термин, отсылающий к фундаментальным процедурам модернистского мышления) наших представлений [13].

«Вещи должны быть выведены на свет!» – программный тезис теоретиков акторно-сетового подхода [14]. Система натуралистических и предметных представлений классической теории, во-первых, маскирует настоящий процесс борьбы различных сил и интересов, идущий в «пыточных камерах науки» за становление агентами реальности [14]. Во-вторых, она замещает односторонними схемами собственное бытие объектов. Это порождает и делает все более угрожающей экологическую проблему и ряд других проблем, связанных с огромной социальной инерцией экстенсивных типов деятельности. «Социология фактов свидетельствует о кризисе объективности, касающемся всех объектов, – утверждает Латур, – Не

только спорных, непокорных, «косматых» объектов, но и «гладких объектов» классического мира» [15]. В-третьих, система классических понятий не обнаруживала проблемы согласований различных моделей мира – «режимов истины» в терминах Латура [16] и определения способов их взаимодействия.

Парадигматические изменения в современной теории идут за конкретным индивидуальным опытом, иногда извлекаемым из общения исследователей с людьми, репрезентирующими иную визуию мира (автохтонами), средой и «не-человеческим иным» [17, 155]. За мировоззренческими сдвигами следуют изменения в фокусах интереса исследовательских программ. Значительное смещение интерпретационных рамок вызвано изменениями и в самой академии. Можно зафиксировать процесс, который Д. Мигесуа и А. Вилсон назвали «индогенизацией академии» [18]. В ряды ученых включаются гуманитарии из туземных культур, делая все более эластичным европейский корсет знания, особенно в отношении понятий рациональности, субъектности, места человека в мире. Более того, они начинают исследовать западного человека так же, как антропологи исследовали туземцев. В этом смысле, в отношении второго критического аргумента, отметим, что методологическая установка «Следовать за актерами!» ведет не к редукции средств и инструментов исследователя, но, напротив, к расширению теоретического горизонта следованием за «эмпирическими метафизиками» акторов [7].

Различение всего лишь двух типов агентностей (интенциональной и материальной) оказывается недостаточным. Эта ситуация фиксирует возникшую теоретическую необходимость в плюралистических онтологиях сил, участвующих в создании новых ассоциаций. Так, Латур не просто говорит о симметрии понятий «природа» и «культура»: принцип симметрии здесь нужно трактовать в терминах недостаточности существующих предметных логик различения. Исследование, – пишет Латур, – необходимо должно вестись в направлении включения в социологический горизонт перечня объектов не стандартизированного списка, а также в направлении поиска новых институций и концептов, способных обеспечивать собиране социального. «Если мы соглашаемся принять во внимание все разногласия и неопределенности относительно не-человеков, мы вскоре будем вынуждены признать, что фактическое положение (matter of fact) описывает все разнообразие акторов, населяющих наш мир отнюдь не лучше, чем понятия «социальное», «символическое» и «дискурсивное» описывают, что такое человеческое» [7, 37].

Смену базовой проблематики, на наш взгляд, сегодня маркирует не выбор между гносеологической перспективой и онтологической, но продолжение вектора поиска альтернативных сценариев модернизации, иного типа субъективности, стратегии препятствования механической экстенсивной деятельности. Последние, идущие в авангарде (*cutting-edge*) исследовательские перспективы, задающие тональность дискуссий, связывают с возникновением постапоцентристой гуманитаристики или постгуманитаристики. В центре ее интереса проблема композиции общего мира, объединяющего как людей, так и «не-человеков». «Гуманитаристика и дальше остается эмансипирующей, при том, освобождение, о котором она говорит, уже касается не только людей, которые дискриминируются с точки зрения расы, пола, класса, этнического происхождения или ценностей, а, прежде всего, – освобождения видов (*species emancipation*) из-под диктата сосредоточенного на своих интересах человеческого вида» [17, 164]. Ключевыми вопросами становятся вопросы границ видовой идентичности, связи человека со средой, технологиями, вещами, животными, вопросы биовласти и биополитики.

В создании антропологии современности, исследующей миры «природ-культур» [13], существенен интерес Латурса не столько к устранению асимметрии между «природой» и «культурой», сколько к проведению положительной переоценки модернистской парадигмы. Альтернативная парадигма может оформиться в процессе выявления противоречий в коммуникации представителей различных «режимов истины». Данные режимы должны прояснить существование предметных различий, которыми пользуются классические подходы. Такова заявленная мотивация проекта «Исследования режимов существования» (*An Inquiry into the Modes of Existence, AIME*). Классический язык, как считает Латурса, плохо объясняет, в чем состоит принцип отнесения того или иного знания к той или иной предметной сфере. Разработанный протокол коммуникации задействует типологизацию речевых актов Дж. Остина для определения действующих сил и критерии успешности и неуспешности речевых актов. «Принципы успешности или неуспешности исполнения правовых процедур будет очень трудно найти, обращаясь к сфере закона, отличной от других (так как она изобилует внеюридическими составляющими). В тоже время эти принципы легче схватить, если они относятся к местам соединений, а не сферам. Такое исследование представляет собой поиск тех соединителей, которые называются «режимами существования» [20].

Проект АІМЕ не змінює мислительним установкам АНТ, но створює додатковий фокус дослідження. Гетерогенне асоціювання артикулює причину, по якій «ми ніколи не були нововірними», оскільки ніколи не жили в цих повністю розділених предметних областях [13]. Тем не менше, ці відмінності існують і фіксуються в комунікації, вимагаючи пояснень. Завдання проекту АІМЕ повністю визначається такою роботою. В цьому стоїть відповідь на третій критичний аргумент. Теоретичним пріоритетом АНТ було запропоноване інструментів переміщення з однієї предметної сфери в іншу, виходячи з різноманітних мереж асоціацій в задачі переопиання центральних інститутів сучасних суспільств в термінах акторів-мереж. Мережі виступають гнучким інструментом, щоб зламати штучні межі, установлені між предметними сферами. Але при цьому не можна встановити, які відмінності існують між різноманітними рядами значень, щоб пояснити оригінальність досвіду «нововірних». Тому, паралельно з дослідженнями мереж, була продовжена інша лінія, щоб зосередитися не на гетерогенному асоціюванні, а на різних способах, якими ці асоціації зв'язують різні сутності і в якісному визначенні режимів, в яких ці мережі розширюються. «Якщо у вас немає словника для описання і реєстрації цих кольорів, цих відмінностей, люди будуть повертатися назад до старому мові і говорити: «Давайте не змішувати науку з політикою» і т.д. і т.п.. Дослідження науки були дуже ефективні в розкритті всього різноманітності асоціацій, але поки немає успішної заміни предметної диференціації, ми застрягли, оскільки люди завжди будуть повертатися до цього мові <...> Таким чином, вони праві, – те, хто каже, що щось пропускається з виду, коли ви стверджуєте, що немає жодних предметних сфер: вони є, але питання в тому, як ви їх реєструєте» [12, 308].

Принцип симетрії стверджується в теоретичних програмах освоєння нового мислительного фокуса: природно-штучного. Сучасним мислительним установкам притаманне збереження рефлексивності, орієнтованість на задачі і пошук нових можливостей концептуалізації об'єктивності. Використання цього принципу в дискусії Б. Латура неможливо розглядати поза контекстом «широкого проекту дипломатії між різними режимами істини на Заході і між Заходом і іншими культурами» [12, 303] і задачі позитивної переоцінки модерністської парадигми. Принцип симетрії при цьому не субстанціалізується і не

онтологизируется, но выступает в конструктивном и содержательном плане: «Мой тест заключается в том, чтобы посмотреть, сколько новых проблем может быть извлечено на свет, если неуклонно, даже слепо, следовать всем обязательствам, к выполнению которых вынуждает нас эта новая отправная точка. Окончательная же проверка заключается в том, чтобы выяснить, в состоянии ли «социология ассоциаций» принять эстафету у «социологии социального», прослеживая различные типы новых и более активных связей, и сможет ли она унаследовать всё, что было легитимного в притязаниях науки о социальном» [7, 26]. Этим заявлением снимается догматический характер любых эпистемологических ограничений.

Технологические новации и изменения, происходящие в общественной жизни, культуре, политике, опережают научные исследования, практика – теорию. Возникают новые явления и объекты, либо же старые, как на это указывает Б. Латур, оказываются в совершенно новом проблематическом контексте. Несоразмерность с меняющейся действительностью или результатов исследований с общественными ожиданиями являются ключевыми для определения состояния современной гуманитаристики.

В этом свете новый материализм и новый эмпиризм в современных теоретических программах представляют собой не возвращение к научному реализму, как то трактуют оппоненты, но современные подходы, апеллирующие к необходимости создания практической методологии, происходящей из глубокого анализа исследовательского материала. Некоторые ученые определяют эту группу задач как методологию, направленную на построение теории «снизу» – конституирование понятий исходя из самих данных. «По моему мнению, мы должны стать более эмпирическими, больше уважать исследовательский материал и пробовать строить теории «снизу», – пишет Е. Доманская [17, 205]. Речь идет, по словам британского теоретика П. Джойса не «о расширении теории с помощью анализа данных, но о потенциальности данных в расширении нашей теоретической воображения» [19].

Пассивное применение теорий и инструментальное трактование изучаемого материала не позволяет создавать соответствующие средства для концептуализации новых явлений. Это не значит, что необходимо отвергнуть существующие теоретические подходы. Так Б. Латур признает классические определения «социологии социального» в отношении тех сообществ и акторов, которые уже определены, и предлагает исследовательскую методологию «социологии ассоциаций» для концептуализации возникающих

коллективов и явлений, таких, например, как постконвенциональные идентичности: лица без гражданства, гибридные идентичности, связи между человеческим и не-человеческим. В этом контексте имеющиеся теории служат только вступительными интерпретационными рамками для формулирования начальных предположений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pickering A.* Knowledge, Practice and Mere Construction // *Social Studies of Science.* – 1990. – Vol. 20. – № 4.
2. *Collins H.M., Yearly S.* Journey into Space // *Science as Practice and Culture* / Ed. by A. Pickering. – Chicago : University of Chicago Press, 1992. – P. 369-389.
3. *Жанера И.* Мотив радикализма. О некоторых новых тенденциях в социологии науки и технологии // *Журнал социологии и социальной антропологии* / Под ред. В.В. Козловского. – СПб. : СПбГУ – 2004. – Т. 7. – № 5. – С. 75–98.
4. *Bloor D.* Knowledge and Social Imagery. – Chicago : University of Chicago Press, 1991. – 203 p.
5. *Gallon M.* Society in the Making: The Study of Technology as a Tool for Sociological Analysis / *The Social Construction of Technological Systems* / Ed. by W.E. Bijker, T.P. Hughes, T. Pinch. – Cambridge : MIT Press, 1987.
6. *Law J., Gallon M.* Engineering and Sociology in a Military Aircraft Project: A Network Analysis of Technological Change // *Social Problems.* – 1988. – Vol. 35. – № 3.
7. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с фр. И. Полонской. – М. : НИУ ВШЭ, 2014. – 384 с.
8. *Law J.* Technology and Heterogeneous Engineering: The Case of the Portuguese Expansion / *The Social Construction of Technological Systems* / Ed. by W.E. Bijker, T.P. Hughes, T. Pinch. – Cambridge : MIT Press, 1987.
9. *Gallon M., Latour B.* Don't throw the Baby with the Bath School / *Science as Practice and Culture* / Ed. by A. Pickering / *The Social Construction of Technological Systems* / Ed. by W.E. Bijker, T.P. Hughes, T. Pinch. – Cambridge : MIT Press, 1987.
10. *Столярова О.* Реляционная онтология А.Н. Уайтхеда и ее конструктивистская интерпретация // *Вопросы философии.* – 2008. – № 12. – С. 84-103.
11. *Витченко Н.* Неклассическая теория познания: стратегия case-study и методология конструкционизма / *Вестник ТГПУ.* – 2006. – № 7. – С. 17–26.
12. *Tresch J.* Another Turn after ANT: An Interview with Bruno Latour / *Social Studies of Science.* – 2013. – Vol. 43. – № 2. – P. 302-313.

13. *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С. Петербурге, 2006. – 240 с.
14. *Latour B.* The Pasteurization of France. – Cambridge Mass : Harvard University Press, 1993. – 273 p.
15. *Латур Б.* Политика природы [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 2 (46). – С. 11-29. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru:81/nz/2006/2/la3.html>.
16. *Latour B.* An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns. – Cambridge Mass : Harvard University Press, 2013. – 520 p.
17. *Доманська С.* Історія та сучасна гуманітаристика: дослідження з теорії знання про минуле. – К. : Ніка-Центр, 2012. – 264 с.
18. *Mihesuah D.* Indogenizing the Academy: Transformation Scholarship and Empowering Scholarship / D. Mihesuah, A. Wilson. – Lincoln : University of Nebraska Press, 2004. – 350 p.
19. *Patrick J.* What is the Social in Social History? // Past and Present. – 2010. – Vol. 206. – № 1. – P. 216.
20. *Latour B.* Summary of the AIME project – An Inquiry into Modes of Existence [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bruno-latour.fr.10/24/13>.

Кононова Я. В. Мотив радикалізму в дискурсі теоретиків акторно-мережевого підходу: критика та апологія.

У статті розглянуто теоретичні аспекти мотиву радикалізації дискурсу теоретиків акторно-мережевого підходу в межах творчості провідного методолога Бруно Латура.

Ключові слова: актор-мережа, конструктивізм, об'єкт, матеріальність, річ, політичне, наука, суспільство, природа, постмодернізм, деконструктивізм.

Kononova Y. V. Radical motive in the discourse of Actor-Network approach theorists: Criticism and Apology.

The article deals with theoretical aspects of radicalization discourse motive of Actor-Network approach theorists within the framework of Bruno Latour creativity.

Keywords: actor-network, constructivism, object, material, thing, politics, science, society, nature, postmodernism, deconstruction.